

Философский пароход

ДАНИЭЛЬ ОРЛОВ

Философ

Член редакционной коллегии

Ведущий рубрики

РЕЖИМ ВТОРОЙ НАВИГАЦИИ

Современная философия, по признанию ряда аналитиков и клиницистов культуры, переживает период утраты своего суверенитета (этап «преодоления метафизики», говоря в терминах М. Хайдеггера), разгерметизации и распада замкнутой сферы автономного Разума и абсолютного Знания. Вообще-то, диагноз далеко не нов, его констатируют уже на протяжении, по меньшей мере, лет ста, ста пятидесяти. Но несмотря на свою давность он, похоже, нисколько не устарел. Напротив, на каждом очередном витке возникают подтверждения того, что ситуация не изменяется, переходя по старым добрым законам диалектической логики в свою противоположную историческую модальность. Скорее, она стагнирует, катится по инерции, линейно двигаясь от одной стадии к другой. Можно говорить о возникновении устойчивого, хронического симптома внутри обширного фантазматического пятна, характеризующего актуальное пространство философствования, в котором нечто радикально новое производится лишь в форме утраты — «смерти Бога» (Ф. Ницше), «смерти человека» (М. Фуко), «смерти автора» (Р. Барт) и т. д. Конечно, ни одна из этих констатаций не может быть выдана за чистую монету, поскольку все они представляют собой вызов, который брошен. А вот будет ли на этот вызов дан ответ, зависит только от того, кто этот вызов примет.

Описанная ситуация влечёт за собой ряд знаменательных последствий. Одно из них заключается в том, что привычные места встречи с философией теперь бездействуют, они опустели и заставлены руинами, в которых поселились призраки минувшей истории бытия. Эти призраки интересны разве что историографам, для которых мумифицированное тело традиции является предметом живейшего интереса. Но у традиции есть одно интересное свойство — всё, что в неё попадает, странным образом меняет свои визуальные характеристики, а именно, внезапно начинает казаться более далёким, чем есть на самом деле. Такое впечатление, что традицию создаёт

мастер пространственных иллюзий, умеющий незаметно для нас изменять полярность нашего исторического видения. По сути дела, хайдеггеровская критика традиции, известная под названием «деструкции истории онтологии», направлена на обнаружение именно этой коллизии: то, что в традиции представляется безвозвратным или недостижимо далёким, для мышления оказывается на самом деле близким. А самое удалённое расположено не просто рядом, оно тождественно ближайшему.

Может быть, не вполне выраженным и самоочевидным образом, но эта коллизия присутствует и в заглавии рубрики «Философский пароход». То, что в этом заглавии является близким и раньше другого всплывающим в памяти, — это драматические для России события сентября и ноября 1922 года, когда на двух пароходах («Обербургомистр Хакен» и «Пруссия») было выслано около двухсот представителей отечественной интеллектуальной элиты. Однако этот ближайший контекст, выступающий из тени нашего недавнего исторического прошлого, входит в неожиданный резонанс с чем-то таким, что на первый взгляд может нам показаться чрезвычайно далёким. Речь идёт об одном платоновском рассуждении, в котором деятельность философского познания рассматривается в понятиях древнегреческой мореплавательной науки. Последняя пользовалась такими техническими терминами, как первая и вторая навигация. Первой навигацией назывался режим плавания, при котором судно целиком полагалось на силу ветра. Но если наступал момент, когда ветер стихал и паруса сдувались, тогда команда садилась на вёсла и включался режим второй навигации. С точки зрения Платона, эти мореходные понятия как нельзя точнее описывают альтернативу, с которой имеет дело философ, стремящийся постичь истинный вид вещей. Можно познавать мир в режиме первой навигации, то есть раскрываться перед встречаемыми чувственными данностями приблизительно так же, как паруса раскрываются навстречу ветру и лишь от него одного зависят. Но можно заниматься познанием и в режиме второй навигации, то есть опираться только на начала и зависеть единственно от свойственной душе силы умозрения. Философский пароход появляется там, где включается режим второй навигации и возникает специфическая интенсивность мысли, которая сопротивляется данностям мира и отказывается по инерции катиться вслед феноменальному составу действительности. Таким образом, рубрика Альманаха ориентирована на публикацию не столько историко-философских или в широком смысле исследовательских текстов, сколько, прежде всего, текстов авторских — текстов, обладающих выраженными физиогномическими признаками, демонстрирующих индивидуальный характер и стиль, несущих на себе отпечаток опыта актуального философствования, воспроизводящих само усилие мысли.

Возможный разброс в тематике текстов определяется той ситуацией, с описания которой мы начали. Поскольку философия со всех сторон получает упреки в том, что больше не выступает формой самодостаточного знания, она вынуждена подключаться к различным дисциплинарным пространствам и сферам духовной культуры, оказываясь прикреплённой или, как говорит А. Бадью, «подшитой» к ним как своим «истинностным

условиям». Философия становится местом равноправия многих истин и, в частности, истин искусства — поэзии, живописи, литературы, музыки, кинематографа, фотографии и т. д. Все они являются предметом актуальной философской рефлексии и в качестве таковых могут попадать в рубрику «Философский пароход», которая таким образом мыслится в виде бесконечно открытого горизонта.

Любое явление современной культуры, которое ставит нас перед вопросом, настоятельно требующим ответа (а таковым, как мы увидели, через преломление нашего исторического взора может в известной мере оказаться даже суждение Платона), если оно действительно застигает нас в нашем присутствии, не должно оставаться без внимания. То есть мы не имеем права или возможности не внимать ему. Собственно, полем этого внимания и призван стать «Философский пароход».

Несколько слов относительно жанровых особенностей текстов, публикуемых в рубрике. Альманах «Русский мир» не задуман как научное издание, он не ориентируется на печатание работ, написанных в строгой академической манере и направленных на решение узких профессиональных проблем. Авторы «Философского парохода» не собираются, как говорили древние даосы, «терebить и будоражить мельчайшую тонкость вещей», то есть бесконечно углубляться в тонкости исследуемого предмета и находить в нём всё новые и новые различия, интересные разве что специалистам. Но они стремятся избегать и другой крайности, а именно, как говорили те же даосы, занятия искусством «стоять на цыпочках и подпрыгивать». Речь идёт об излишнем пиетете и бездумном преклонении перед традицией, о следовании в её фарватере, не позволяющем расчищать плацдармы для экзистенциальных авангардов. Найти и соблюсти меру между традиционным и новым, далёким и близким, узкоспециальным и общедоступным, не склоняясь окончательно ни к одному, ни к другому, — таков общий замысел «Философского парохода». Обобщая всё сказанное, можно заметить, что место, которое рубрика занимает в Альманахе, посвящённом пространству и времени русской культуры, должно быть сопоставимо с тем местом, которое сама философия занимает в русском культурном ландшафте.